

— Сестрица, есть ли у тебя нефрит? — задал свой сакраментальный вопрос Цзя Баоюй.

Линь Чэньюй замер в недоумении. Сколько же лет этому придурку, что он при каждой встрече с девушкой первым делом спрашивает о нефрите? Он что, всех вокруг за нищих держит? Неужели семья Линь выглядит настолько бедной, что у них не найдётся даже куска камня?

Сюэ Баочай невольно вздрогнула, ощутив приступ глубокой досады. Когда-то, при первом знакомстве, Цзя Баоюй задал ей точно такой же вопрос. Сестрица, есть ли у тебя нефрит? Конечно, у неё он был — в лавках её семьи хранились россыпи драгоценных камней на любой вкус. Но тогда, приехав в столицу, она преследовала две цели: участие в отборе во дворец и попытку задобрить дом Цзя после того, как её брат совершил убийство. Поэтому она ответила: — Подобного нефрита у меня нет.

Кто бы мог подумать, что Баоюй закатит истерику и со всей силы швырнёт свой кулон оземь, поставив её семью в крайне неловкое положение. Теперь, услышав тот же вопрос, она с любопытством ждала, как выкрутится барышня из семьи Линь.

Линь Дайюй опустила глаза. Перед ней лежал тот самый магический камень, который, по легенде, Баоюй принёс с собой из материнского чрева. Она уже собиралась ответить, как вдруг Линь Чэньюй с самым невинным видом поинтересовался:

— Кузен Баоюй, это единственный нефрит, который у вас есть?

Цзя Баоюй опешил:

— Разумеется, нет.

Чэньюй протянул:

— О, а я уж подумал, что раз у кузена всего один камень, то он так дорожит им. В семьях нашего круга не стоит придавать столь обыденным вещам такое значение, иначе люди могут счесть нас недалёкими.

Цзя Баоюй не нашёлся что ответить. Все вокруг твердили, что его камень — великая драгоценность, наделённая духом, и что он — избранный. Но сейчас перед ним стоял мальчик, похожий на небожителя, и называл этот дар обыденностью. Баоюй хотел возразить, но наткнулся на ясный, чистый взгляд кузена и осёкся.

Госпоже Ван стало не по себе, но она, натянуто улыбнувшись, произнесла:

— Чэньюй ещё мал и многого не знает. Этот камень твоего кузена — дар небес, он появился вместе с ним на свет.

Цзя Баоюй вновь обрёл уверенность и снова спросил:

— Кузина, у тебя правда нет такого?

Линь Чэньюй промолчал. Цзя Минь лишь вздохнула: этот племянник, похоже, был не в своём уме.

— Такого, как у тебя, конечно, нет, — ответила Линь Дайюй.

Баоюй окончательно воспрял духом: раз даже у такой божественной сестрицы нет подобного, значит, он уникален. Он повернулся к Чэньюю:

— А у тебя, братец, есть?

Чэньюй окончательно потерял дар речи. Ему страстно захотелось прибить этого каменного дурня, но, увы, это было невозможно. Он отстегнул нефритовый кулон с пояса и сказал:

— У меня есть вот это.

Вдовствующая госпожа Цзя взглянула на украшение, и сердце её пропустило удар. Это... это была вещь из императорского дворца.

Госпожа Ван усмехнулась, не скрывая пренебрежения:

— Твой кулон — всего лишь безделушка, как можно сравнивать его с магическим нефритом твоего кузена?

— Замолчи немедленно! — рявкнула вдовствующая госпожа.

Она уже хотела отчитать невестку за её невежество и отсутствие проницательности, как вдруг Цзя Баоюй в приступе ярости с силой швырнул свой камень на пол:

— Ни у сестёр нет, ни у новых брата с сестрой нет! Что за проклятая вещь, не нужна она мне больше!

В комнате поднялся переполох: все бросились искать нефрит и успокаивать Баоюя. Цзя Минь и её дети стали свидетелями настоящего спектакля, зрелище было ещё то.

Линь Чэньюй вздохнул. Он не знал, как реагировать на этого человека. Неужели Баоюй и вправду одержим сюжетом книги? Настоящий психопат. Он уже хотел вернуть кулон на пояс, но вдовствующая госпожа остановила его:

— Дай-ка мне взглянуть.

Она внимательно осмотрела искусную работу. Это определённо была вещь из дворца, возможно, императорский дар. Она перевернула кулон и вгляделась в крошечный иероглиф в углу.

Нет!

Этот знак... Сюань!

Вдовствующую госпожу охватил ужас, лицо её побледнело. У неё возникло множество вопросов, но при посторонних она не могла их задать, поэтому решила пока промолчать.

Цзя Минь обеспокоенно спросила:

— Матушка, что-то не так с этим нефритом?

По этому вопросу вдовствующая госпожа поняла, что дочь тоже ничего не знает.

— Всё в порядке, просто я отметила, что работа очень тонкая, сейчас таких почти не делают. Чэньюй, береги его, не потеряй и не повреди.

Она сама помогла ему пристегнуть украшение обратно.

Госпожа Ван, стараясь выглядеть добродетельной, добавила:

— В нашей семье каких только нефритов нет, если нужно...

— Я сказала, замолчи! — резко оборвала её вдовствующая госпожа. — Невежественная женщина, не болтай ерунды!

Маска благочестия на лице госпожи Ван треснула. Она не ожидала, что свекровь отчитает её при всех, особенно на глазах у ненавистой Цзя Минь. Баоюй растерянно переводил взгляд с одной на другую, не зная, что делать. Госпожа Сюэ, до этого молчавшая, поспешила сгладить углы парой лестных фраз, и атмосфера в комнате немного разрядилась.

На этом инцидент был исчерпан. Вдовствующая госпожа ещё немного поговорила с Цзя Минь, а затем обратилась к Ван Сифэн:

— Подготовили ли вы покои для моей дочери?

— Не волнуйтесь, матушка, всё готово, — Сифэн бросила быстрый взгляд на кулон в руках Чэньюя и с почтением ответила: — Всё сделано по вашему приказу. Усадьбу привели в порядок, вычистили до блеска и обновили, чтобы тётушке и кузенам было удобно.

Вдовствующая госпожа довольно кивнула:

— Я знаю, ты во всём знаешь толк.

Семья Сюэ жила в павильоне Грушевого аромата, где некогда обитал сам покойный князь Жунго. Место было уединённое, но удобное для Сюэ Паня, который мог выходить на улицу через боковую калитку. Поскольку в доме Цзя было много девушек, присутствие постороннего

мужчины было нежелательным, поэтому, когда госпожа Ван предложила поселить туда свою сестру, вдовствующая госпожа согласилась. Но для Цзя Минь и её детей Ван Сифэн несколько дней подыскивала место получше — поближе к покоям вдовствующей госпожи.

В тот день вдовствующая госпожа была в духе и оставила младших на ужин, отпустив госпожу Син и госпожу Ван. В комнате воцарилось оживление, все смеялись и беседовали.

Линь Чэньюй же был погружён в свои мысли. Он сидел здесь, но душой был далеко. Интересно, как там Сюань Чжэн? Закончились ли его дела? Хотя они и были в одной столице, Чэньюй не имел понятия, где искать его.

Бессовестный мерзавец! Чэньюй злился: сегодня он посылал людей на берег, но те лишь мельком взглянули и вернулись ни с чем. Это было просто возмутительно. Чэньюй не хотел признавать, что сейчас он действительно немного «зарвался от избытка внимания». Хотя, какое там «зарвался» — для такого крепкого парня, как он, это слово не имело смысла.

Цзя Минь осталась здесь надолго — судя по разговорам, они планировали пробыть в столице год или полтора. Чэньюй невольно пожалел своего отца, которому теперь придётся коротать дни в одиночестве.

<http://bllate.org/book/20882/2111130>